

М. С. Чернова

**Учреждение образования «Могилевский государственный
университет имени А. А. Кулешова»,
кафедра литературы и межкультурных коммуникаций**

**НАРОДОВЕДЧЕСКИЕ УСТРЕМЛЕНИЯ
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVIII в.
В КОНТЕКСТЕ ЕВРОПЕЙСКОГО НАРОДОЗНАНИЯ**

В статье анализируются особенности изучения русской литературы XVIII в. в контексте общеевропейского народоведческого движения. Отмечается, что интерес к родному фольклору и популяризация народной поэзии в России были аналогичны движению, которое в середине XVIII в. развивалось в Западной Европе. Доказывается, что Россия полноправно включилась в общеевропейский процесс поиска собственных национально-культурных основ и в «познании своей народности» она синхронизировалась с Западной Европой.

The article analyzes the features of the study of Russian literature of the 18th century. in the context of the all-European ethnology movement. It is noted that interest in native folklore and the popularization of folk poetry in Russia were similar to the movement, which developed in Western Europe in the middle of the 18th century. It is proved that Russia was fully involved in the all-European process of searching for its own national and cultural foundations and it was synchronized with Western Europe in «cognition its nationality».

Ключевые слова: Русская литература XVIII века, фольклор, народность литературы, народоведение, русско-европейские литературные связи.

Key words: Russian literature of the 18th century, folklore, the nationality of literature, ethnology, Russian-European literary connections.

Проблема взаимодействия национальных литератур является одной из перспективных и актуальных направлений в современном литературоведении. Диалог национальных культур занимает важное место не только в компаративистике, но и в общей концепции историко-литературного процесса, потому что в истории человеческого общества нет примеров абсолютно изолированного развития, «без непосредственного или более отдаленного взаимодействия и взаимного влияния между его отдельными участниками» [1, с. 105].

Особую важность в этой связи приобретает изучение русской литературы XVIII вв. в контексте общеевропейского народоведческого движения, что позволяет уточнить вопрос о становлении самобытной русской литературы и ее месте в общеевропейском историко-литературном процессе. Необходимо подчеркнуть, что актуализацию проблемы национальной самобытности литературы справедливо связывают с эпохой романтизма, ориентированного на историческое прошлое, национальные традиции и устное народное творчество, ставших основой для создания оригинальных художественных произведений. Однако в России интерес к народной культуре проявил себя задолго до наступления романтической эпохи. Так или иначе, перед русской литературой уже к середине XVIII в. встал вопрос «о фольклоре как резервуаре народно-национальной старины, поэзии, народной мудрости и как источнике литературы» [2, с. 42].

В это время Россия переживала «ностальгический» этап, отмеченный активной поисковой деятельностью этнографов, историков, писателей и просто любителей народной старины. Собрание и изучение фольклора и «народных диковинок» становится осознанными и целенаправленными, потому что «просветительское отношение к фольклору как к остаткам невежественной старины или проявлению народного бескультурия уступает место признанию его эстетического и этического значения и совершенства» [2, с. 43].

После указа Петра I, который в 1721 г. отменил запрет Алексея Михайловича на мирское искусство и разрешил народное творчество, собрание фольклора стало приобретать массовый характер. Среди студентов семинарий, академий и университетов, армейцев и чиновников, купцов и служителей церкви создавались и распространялись рукописные песенные сборники. Материал для них поступал не только из деревень, но и из городских низов, от ремесленного и торгового люда, с площадей и кабаков. Но уже к середине XVIII в. собрание фольклора приобрело сознательный и целенаправленный характер: с одной стороны, решалась задача обнаружить богатства народного творчества, а с другой, - обогатить им современную литературу, придать ей за счет фольклора национально-самобытные черты.

Одним из первых собирателей русского фольклора стал М.Д. Чулков. Результаты своих изысканий он публиковал в собственных журналах «И то, и се» (1769) и «Парнасский щепетильник» (1770). В 1770–1774 гг. «Собрание русских песен» Чулкова, составленное в сотрудничестве с М.И. Поповым, положило начало целому ряду песенников, до этого времени существовавших в рукописном виде. В 1769 г. выходят «Письмовник» Н.Г. Курганова, где среди стихотворений нашлось место пословицам и поговоркам, и «Сказки» А.О. Облесимова, ставшие первым опытом издания русских басен. Н.И. Новиков издал целый ряд сборников фольклорных произведений: «Новое и полное собрание российских песен» (1780–1781), составленное А. Барсовым, «Собрание 4291 русских пословиц» (1770), сборник сказок, составленный В.А. Левшиным. Сам Н.И. Новиков одним из первых стал использовать произведения фольклора в социальной антикрепостнической сатире.

Пробудившийся интерес к родному фольклору и популяризация народной поэзии были аналогичны движению, которое в середине XVIII в. развивалось в Западной Европе. «Родоначальником простонародного течения» явился А. Рамзей, который положил начало изучения шотландской народной поэзии. Затем Д. Макферсон опубликовал сборник «Отрывки старинных поэм, собранных в горной Шотландии», ознаменовавший появление «оссианизма» в европейской литературе. Колоссальное влияние на развитие интереса к народной поэзии оказал сборник старошотландских песен «Памятники старой английской поэзии» Т. Перси, а также получивший европейскую известность сборник «Голоса народов в песнях» Г.И. Гердера, создавшего теорию народных песен. Его «Фрагменты о новой немецкой литературе» не только призывали к повсеместному собиранию народнопоэтических памятников, но и определяли принципы классической традиции собирания народного достояния.

Таким образом, Россия полноправно включилась в общеевропейский процесс поиска собственных национально-культурных основ. Если художественно-эстетический уровень русской литературы XVIII в. заметно отставал от европейского, то в «познании своей народности» Россия синхронизировалась с Западной Европой. Однако уже к середине 1770-х гг. специфика освоения фольклорного достояния русской литературой и европейской начинают различаться. Как отмечал В.А. Западов, фольклор нашел свое место в предромантизме и стал реальной основой для формирования национальных литератур в ведущих странах Западной Европы: «Поэты-предромантики <...> разных стран Европы с особой остротой поставили вопрос о национальных формах поэзии, о национальных системах стихосложения, обращаясь за помощью к фольклору как к источнику, во-первых,

специфически национальных ритмов, во-вторых, свойственных только данному народу средств художественной выразительности, арсеналу образов, роднику древней мифологии и т.д.» [3, с. 49].

В России же ситуация складывалась таким образом, что литературная обработка фольклора принимала космополитический характер. Например, сказочные сборники Чулкова, Левшина, Попова, Тимофеева и др. имели названия «русские», «славянские» «древние». Однако именно русские народные сказки они публиковали либо в пересказе, либо в художественной обработке. Но основная задача, которую ставили перед собой составители этих сборников, заключалась в создании русского сказочного предания, аналогичного европейскому. Решая эту задачу, они перелагали европейские рыцарские романы, но «русифицировали» их за счет былинных элементов, а также вставок-пересказов русских волшебных и бытовых сказок о ворах, ведьмах, суевериях, солдатах, чтобы привнести в художественные произведения народный колорит и занимательность. «Тогда возникла попытка освоить фольклор, подчинив его задачам литературы», – отмечает Т.М. Акимова [4, с. 19].

Сборник Левшина «Пересмешник, или славянские сказки» (1766–1768) явился первым опытом создания национально-русского сказочного жанра на основе русских рукописных повестей, русской народной сказки и русификации заимствованного из мировой литературы материала. А изданный Чулковым «Краткий мифологический лексикон» (1767), в котором содержались сведения и по античной, и по славянской мифологии, начал традицию полужантасического, полуисторического мира славяно-русских богов, прямо ведущую к «Руслану и Людмиле» А. С. Пушкина. Этот художественный опыт стоит признать удачным: благодаря обработкам народных сказок в русской литературе укоренился и стал развиваться жанр литературной сказки. Однако сами сказки Чулкова, Левшина, Попова, Тимофеева не воспринимались как литературные. Позднее даже А. Калайдович рассматривал их как достоверные источники народного творчества.

Сконструировав славянскую мифологию, сказочники-просветители тем самым сформулировали вполне понятную и цельную систему не только народных верований, но и языческого мировоззрения древних славян. Эта система стала восприниматься как специфическая культурная область, отдаленная от новой русской литературы и современной русской жизни.

Литература

1. Жирмунский, В. М. Фольклор Запада и Востока : сравнительно-исторические очерки / В. М. Жирмунский – М. : ОГИ, 2004. – 462 с.
2. Азадовский, М. К. Статьи о литературе и фольклоре / М. К. Азадовский. – М. : Гос. изд-во художественной литературы, 1960. – 549 с.

3. Западов, В. А. Литературные направления в русской литературе XVIII века / В. А. Западов. – СПб. : ИМА-пресс, 1995. – 79 с.
4. Акимова, Т. М. Русское народное поэтическое творчество / Т. М. Акимова. – М. : Высшая школа, 1983. – 208 с.